

МУЗЕИ И МЕМОРИАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМ ТРАНСГРАНИЧЬЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ «КОМПРОМИССНОЙ» ВЕРСИИ ОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Иван ЗУЕНКО
МГИМО МИД России

Аннотация: Статья посвящена теме сохранения и позиционирования исторической памяти в российском и китайском приграничье посредством организации музейных экспозиций и создания мемориальных объектов (памятники, просветительские проекты) в контексте вопроса о возможности создания «компромиссной» версии истории российско-китайских отношений, которая бы устраивала и Россию, и Китай. В настоящий момент, несмотря на высочайший уровень межгосударственного сотрудничества, который главами обоих государств справедливо оценивается как «наилучший за всю историю», непроработанными остаются вопросы прошлого российско-китайских отношений, которые, как правило, оцениваются сторонами по-разному. Различное понимание этих вопросов воплощено в музеях и мемориальных объектах, содержание которых может быть интерпретировано как проявление алармизма и русо/синофобии. Между тем их нарратив направлен не столько «вовне», сколько «вовнутрь» и отражает интенсивный поиск «правильной версии» исторической памяти, который ведется в обеих странах на фоне роста национально-патриотических настроений. В результате для внешнего наблюдателя возникает «борьба нарративов» в исторической памяти. При этом на данный момент настойчивые попытки убедить другую сторону в собственной трактовке спорных вопросов истории посредством увеличения числа экспозиций и мемориальных объектов представляются неконструктивными и потенциально несущими больше вреда, чем пользы для развития двухсторонних отношений. Без серьезной проработки прошлого отношений двух стран со стороны академического сообщества, как по отдельности, так и сообща, невозможно перейти от наблюдающейся сейчас «борьбы нарративов» к созданию «компромиссной» и при этом объективной версии истории.

Иван Юрьевич Зуенко – кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, старший научный сотрудник Центра Китая, Восточной Азии и ШОС, Институт международных исследований, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-9853-9703. E-mail: i.zuenko@inno.mgimo.ru
119454, Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 11.05.2023

Принята к публикации: 17.01.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта по гранту Российского научного фонда № 23-18-00109 «Нарративы «исторических обид» в официальном дискурсе и государственной политике стран Северо-Восточной Азии».

Ключевые слова: Китай, российско-китайские отношения, историческая память, исторические обиды, музеи, мемориальные объекты, «красный туризм», Айгунский договор, КВЖД, 88-я особая стрелковая бригада

Введение

Анализ китайских информационных материалов и действий официальных представителей показывает, что в последние годы в КНР наметилась тенденция к переосмыслению и созданию новой версии истории, которая бы отражала повышение места Китая на мировой арене. Частью данного процесса является переосмысление истории отношений с Россией, прежде всего в контексте преуменьшения, замалчивания роли нашей страны в социально-экономическом развитии Маньчжурии на рубеже XIX–XX веков, поддержке китайского коммунистического движения, освобождении Китая от японских оккупантов, индустриализации КНР в годы первых пятилеток (Денисов, Зуенко, 2022).

Несмотря на то, что на данный момент официально Россия и Китай не имеют друг к другу территориальных претензий, а двусторонние отношения и Москвой, и Пекином справедливо оцениваются как «наилучшие за всю историю», далеко идущим последствием указанной тенденции потенциально может стать формирование в Китае общественного мнения, направленного на пересмотр двухсторонних соглашений, включая Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 года, раскрутка «исторических обид» и переход от дружеского восприятия России к враждебному. В этой связи вопрос мониторинга и анализа тенденций в развитии исторической памяти в КНР актуален как с теоретической, так и с практической точки зрения. Еще более актуальным представляется вопрос создания «компромиссной» версии истории российско-китайских отношений, которая устраивала бы обе страны. Однако здесь мы находимся в самом начале пути, поскольку едва ли не все ключевые вопросы совместного прошлого (от Албазинской кампании до боев за остров Даманский) оцениваются по обе стороны границы по-разному.

Ценный материал для анализа исторической памяти предоставляют музейные экспозиции и различные мемориальные объекты (памятники, просветительские и туристические проекты), расположенные как в российском, так и китайском приграничье. От музеев в центральной части двух стран такие объекты отличаются двумя моментами. Во-первых, они расположены непосредственно в тех районах, где протекала история российско-китайских отношений (таким образом, будучи, по сути, краеведческими музеями, они не могут не затрагивать «сложных моментов» истории). Во-вторых, они доступны для широких масс туристов из сопредельного государства, формируя для них образ соседней страны и историю отношений с ней. Сочетание этих

двух факторов создает противоречие. С одной стороны, организаторы мемориальных экспозиций нацелены на привлечение туристов из сопредельной страны, хотят «понравиться» им. С другой стороны, они не могут отказаться от трактовок собственной истории, что может быть воспринято как предательство национальных интересов. Феномен этого противоречия известен по материалам, касающимся как России, так и Китая.

Необходимо отметить, что проблематика приграничных музеев и связанных с ними вопросов уже неоднократно попадала в фокус внимания различных исследователей, среди которых следует отметить И.О. Пешкова, Е.А. Поправко, Е.А. Джанджугазову, А.А. Амосову, А.Д. Еремину. Косвенно данная тема также изучалась в работах К. Хемфри, Ф. Бийе, З. Урбански, В.И. Дятлова, Я.С. Гузей. В работах указанных авторов доминируют подходы социальной антропологии, нацеленные в большей степени на теоретическую интерпретацию выявляемых феноменов без попыток рассматривать их в практической плоскости – с точки зрения влияния на российско-китайские межгосударственные отношения.

Между тем именно этот аспект представляется наиболее важным и интересным. Таким образом, цель, стоящая перед автором данной статьи, заключается в том, чтобы оценить содержание мемориальных экспозиций в российско-китайском трансграничье (с опорой, прежде всего, на китайские объекты, по поводу которых в российской литературе распространены противоречивые сведения) и на основании этого проанализировать перспективы использования трансграничного туризма для формирования «компромиссной», устраивающей обе стороны версии истории российско-китайских отношений (здесь разбирается в основном российский материал, поскольку в настоящий момент активно развивается именно китайский въездной туризм в Россию).

Соответственно, статья поделена на две части. В первой автор разбирает несколько кейсов из числа китайских приграничных музеев, а во второй анализирует содержание и результаты нескольких мемориальных практик (действий, направленных на формирование и сохранение памяти об истории), ориентированных на иностранных туристов, на российской стороне.

Следует отметить, что данная работа ни в коем случае не претендует на полноту охвата всей проблематики, связанной с сохранением и позиционированием исторической памяти в российско-китайских отношениях посредством музеев и мемориальных объектов. Скорее она является приглашением к научной дискуссии и формой постановки узкого исследовательского вопроса в рамках более широкого научного проекта по изучению исторических нарративов в Северо-Восточной Азии. Дальнейшее развитие темы связывается с потенциальным получением новых материалов по мере восстановления полноценных трансграничных обменов, которые дополняют (а возможно, и скорректируют) предварительные оценки.

Китайские приграничные музеи об истории российско-китайских отношений

Мемориальные экспозиции, касающиеся российско-китайских отношений, существуют повсеместно в исторических¹ (по сути, краеведческих) музеях вдоль государственной границы двух стран. По понятным причинам, больше всего их в приграничной провинции Хэйлунцзян: подобной экспозицией располагает Хэйлунцзянский провинциальный исторический музей, расположенный в историческом центре Харбина на ул. Хунцзюньцзе. Ему вторят музеи городов окружного уровня.

Наиболее известен Айгунский исторический музей (瑯琿历史陈列馆), расположенный в городе Хэйхэ. Музей находится на месте расположения прежней ставки Хэйлунцзянского генерал-губернатора, где в 1858 г. был подписан Айгунский договор. Он основан в 1975 г. – в период кризиса в советско-китайских отношениях. Музей посвящен как истории подписания Айгунского договора, так и истории российско-китайских отношений в целом, причём экспозиция фокусируется на сложных моментах взаимоотношений двух стран и содержит достаточно нелицеприятные для российского посетителя оценки. По ряду признаков можно сделать вывод, что внимание властей к музею в последние годы повышалось.

Так, музей многократно перестраивался и модернизировался – крупная реновация была произведена в 2010 г., а уже в 2018 г. музей снова был перестроен и улучшен. Тогда же был подтвержден статус «базы просветительской работы в области патриотического воспитания молодежи». Годом ранее музей вошел в список объектов для «красного туризма»². В 2020 г. получил почетное звание «базы для образовательно-воспитательной работы среди солдат и полицейских». В 2020 г. в журнале «Партийная жизнь Хэйлунцзяна» (黑龙江党的生活) была опубликована статья местных партийных активистов Чу Даня и Ван Юймина с говорящим названием «Кто отстаёт, тот будет бит. Только сильное государство сможет отстоять престиж. Паломничество в Айгунский исторический музей»³.

¹ Прим. автора: в России региональные музеи традиционно обозначаются термином «краеведческий», тогда как в Китае такой термин отсутствует, а музеи называются историческими («лиши боугуань» 历史博物馆). Примечательно, что и в России в отдельных случаях можно наблюдать тот же феномен позиционирования региональных музеев не в качестве краеведческих, а в качестве исторических. См. Музей истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева во Владивостоке (вместо прежнего «Приморский краевой краеведческий музей им. В.К. Арсеньева»).

² «Красный туризм» («хунсэ люю» 红色旅游) – распространённая в Китае практика посещения достопримечательностей, связанных с коммунистическим движением. В последние десятилетия охватывает не только места революционной и боевой славы, но и шире – любые достопримечательности, связанные с политической историей Китая.

³ 初丹, 王宇萌 [Чу Даня, Ван Юймин]. 落后就要挨打 强国才有尊严—瑯琿历史陈列馆巡礼 [Кто отстаёт, тот будет бит. Только сильное государство сможет отстоять престиж. Паломничество в Айгунский исторический музей]. Хэйлунцзян дандэ шэнхо. Available at: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-DSHH202008054.htm> (дата обращения: 15.07.2023)

Сведения об экспозиции и режиме посещения музея для россиян противоречивы. В российских материалах широко распространен тезис, что россиянам вход воспрещен. Собеседники автора из числа китаистов Благовещенска также подтвердили эту информацию, хотя признались, что лично они в музей попасть не пытались. Известно, что часть музейных стендов сопровождается информацией на русском языке, возле касс есть табличка на русском языке с надписями о часах работы. Кроме того, есть фотографии и тексты стендов, полученные российскими посетителями, побывавшими на территории музея. Это свидетельствует, что прямого запрета на посещение иностранцами все же не существует, хотя негласных запретов исключать нельзя. Большинство туристов не посещает музей, потому что он находится в отдалении (около 30 км) от центра Хэйхэ.

Анализ разрозненных сведений о содержании экспозиции позволяет сделать вывод, что ничего выходящего за пределы официальной позиции по территориальному размежеванию она не содержит. Договоры 1858–1881 гг. называются «неравноправными», а действия «царской России» – «*колониальной экспансией*». Это не является чем-то из ряда вон выходящим, поскольку данные оценки широко распространены в китайском дискурсе. В то же время история всей Маньчжурии (Северо-Восточного Китая) показана претенциозно и с многочисленными искажениями. Так, в залах, посвященных древней истории, говорится о том, что Маньчжурия была населена синантропами (*Homo Erectus Pekinensis*), которые частью антропологов связываются с предками китайцев⁴. При этом игнорируется тот факт, что останков синантропов в регионе не найдено. О развитии среднего Приамурья до 1858 г. говорится как о поступательном процессе, который был прерван «аннексией» со стороны России, что весьма сомнительно с точки зрения исторических фактов.

Возможно, наиболее «крамольным» элементом Айгунского музея является отражение истории «Благовещенской трагедии» 1900 г. Известно, что экспозиция является достаточно содержательной, с несколькими художественными картинами. Впечатление усиливается мультимедийными средствами (тревожная музыка, звуки выстрелов)⁵. При этом умалчиваются важные сопутствующие обстоятельства: не говорится ни об обстреле Благовещенска с китайской территории, ни о том, что китайское население «маньчжурского клина»

⁴ Прим. автора: другие антропологи считают синантропов тупиковой ветвью антропогенеза.

⁵ Отрывок из травелога французской журналистки (П. Шишманова (2011) *Берег бывших русских. Вокруг света* (3): 68–76): «На обратном пути в Хэйхэ мы делаем остановку возле развалин старинного города Айгунь... На месте бывшей крепости построено ультрасовременное здание – исторический музей. Водитель говорит, что для русских вход сюда закрыт, но французенку должны пустить. С правой стороны вестибюля вход: за тяжелой гардиной красного бархата слышны крики, выстрелы, трагический голос диктора. Служитель впускает меня в темный зал, в глубине которого светится громадное панорамное полотно – Благовещенск 1900 г., в разгар Боксерского восстания. На переднем плане – макет: игрушечные казаки изгоняют китайцев с русского берега Амура; горящие дома, валяющиеся трупы, тонущие в реке женщины и дети. Не надо знать китайский, и без комментатора понятно, что происходит».

заблаговременно предупреждалось о необходимости переселения за Амур, ни о том, что спустя несколько месяцев китайское население вновь вернулось в Благовещенск⁶.

Учитывая болезненность темы «Благовещенской трагедии» для российско-китайских отношений, вероятно, нежелание допускать в музей россиян связано именно с наличием в музее этой экспозиции. При этом в действиях китайских властей усматривается противоречие: с одной стороны, они хотят развивать партнерские отношения с Россией и боятся, что негативные эмоции могут их омрачить; с другой стороны, они стремятся способствовать росту патриотических настроений, для чего активно используется образ Китая как жертвы.

Данное противоречие характерно и для других музеев китайского приграничья. Например, в Музее КВЖД в городе Суйфэньхэ акцент с российского периода, когда дорога была спроектирована и построена, переносится на современные периоды модернизации и эксплуатации КВЖД. Как считает исследователь-музеист Е.А. Поправко, такая позиция кураторов китайского музея «подчеркивает, что, если бы не колониальная политика европейских держав (в том числе России), Китай и сам мог двинуться по пути прогресса и делал бы это весьма успешно. Российский период дороги подается как ведущий в никуда и закончившийся ничем» (Поправко, 2019).

Согласно выводам Е.А. Поправко, «образ России в китайских музеях статичен во времени, мало зависит от политических изменений в самой КНР или от поворотов двусторонних отношений. Россия (СССР) в экспозициях китайских музеев выглядит опасным и коварным соседом, использующим любое ослабление Китая для экспансии на его территорию, не чурающимся ни насилия, ни грязных средств» (Поправко, 2019). В целом, с этим выводом можно согласиться, однако следует отметить, что этот статичный образ был заложен не сейчас, а еще при Мао Цзэдуне.

Кроме Айгунского музея, откровенно русофобские экспозиции в Китае отсутствуют. Правда, есть вероятность, что они появятся в ближайшее время. Так, в 2020 г. в региональном научном журнале «Хэйхэ сюэкань» была опубликована статья о создании туристического маршрута вдоль ямских станций в приграничных уездах, примыкающих к реке Амур. В статье прямо указано, что «основной темой маршрута должен стать патриотизм». Лозунгом маршрута избран слоган «Защищать границу, развивать границу, строить границу» (Ван Тао, 2020).

Одновременно появился проект создания развлекательного парка и музея «Албазинской кампании» на острове Гучэндао на Амуре в поселке Синьань города Мохэ провинции Хэйлунцзян (центр развития туризма, известный как «Самая северная точка Китая»). Проект предполагает реконструкцию

⁶ Впрочем, в Амурском областном краеведческом музее им. Г.С. Новикова-Доурского (г. Благовещенск) вообще отсутствуют упоминания о гонениях на китайских жителей в 1900 г. При этом о предшествующем этому факте обстрела Благовещенска рассказывается.

военного лагеря маньчжурских войск, собравшихся на острове перед походом на Албазин⁷ – в настоящий момент здесь уже находится памятная стела, которая используется в том числе в качестве места торжественных церемоний с участием китайских пограничников⁸.

План работы правительства города Мохэ на 2022 г. предполагал первый этап строительных работ по созданию обоих туристических объектов: и развлекательного парка на острове Гучэндао (в документах он проходит как «Албазин – Гучэндао»), и «ямской станции» в рамках туристического маршрута по всему приграничью⁹. Информации о текущем состоянии реализации проекта на момент написания статьи получить не удалось.

Таким образом, анализ китайских кейсов показывает, что исторические музеи в приграничье остаются «товаром для внутреннего потребления». В дилемме между привлечением иностранных туристов и просветительно-воспитательными функциями для собственного населения выбор повсеместно делается в пользу второго. При этом в случае с Китаем мы пока не видим признаков того, чтобы китайские власти создавали особую, «правильную» версию истории двусторонних отношений специально для российских посетителей. И, более того, российские посетители негласно ограждаются от знакомства с китайскими трактовками. Да и возможно ли «переубеждение» посетителей из соседнего государства в принципе? Об этом – далее.

Воздействие на общественное мнение посредством музейных экспозиций в приграничье

Определённую пищу для размышлений на тему об эффективности такого «переубеждения» даёт нам анализ мемориальных практик на российской стороне, где до начала пандемии коронавируса в 2020 г. колоссальными темпами рос въездной туристический поток из Китая¹⁰. Сложившаяся ситуация, казалось бы, представляет отличную возможность для доведения до китайской стороны российских трактовок истории российско-китайских отношений. Определённые надежды можно было связывать с проведением различных мероприятий в память о совместной борьбе СССР и Китая против Японии, а также с организацией маршрутов для китайских туристов в рамках т.н. красного туризма¹¹.

⁷ Любопытно, что с российской стороны параллельно ведется реконструкция Албазинского острога – правда, расположен он не в селе Албазино, а в парке «Патриот» близ Благовещенска.

⁸ 漠河雅克萨战争遗址 [Мемориальный объект, посвященный Албазинской кампании в городе Мохэ]. Available at: <https://xw.qq.com/cmsid/20200519A02VZV00> (дата обращения: 25.07.2023)

⁹ 漠河市2021年政府工作报告 [Отчет о работе правительства Мохэ за 2021 год]. Available at: http://www.dxl.gov.cn/zwgk/zfgzbg/content_106582 (дата обращения: 17.07.2023)

¹⁰ По состоянию на начало 2024 г. туристический поток начал восстанавливаться. См. Зуенко И.Ю. В Россию потянулись китайские туристы нового типа // Профиль, 07.03.2024. Available at: <https://profile.ru/lifestyle/travels/v-rossiju-potyannulis-kitajskie-turisty-novogo-tipa-1460953/> (дата обращения: 17.07.2024)

¹¹ См., например: Ростуризм договорился с коммунистами о развитии «красного туризма» // РБК, 05.10.2017. Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59d650589a794723cd2785f8> (дата обращения: 17.07.2024)

На данный момент можно констатировать провал подобного воздействия, так как российские трактовки истории двусторонних отношений не воспринимаются китайской стороной, а в ряде случаев наблюдаются и прямые попытки вмешиваться в организацию мероприятий для продвижения собственной повестки. Данную тенденцию можно проследить на примере мемориальных мероприятий, организованных в Приморском крае в 2018–2021 гг.

В 2018 и 2019 гг. во Владивостоке было организовано участие потомков военнослужащих 88-й отдельной стрелковой бригады Дальневосточной армии¹² в акции «Бессмертный полк» на День Победы. В мае 2019 г. также прошла выставка фотографий 88-й бригады. В августе 2020 г. была организована мемориальная выставка «Освобождение. Память общей судьбы». К 3 сентября 2020 г. во Владивостоке и Харбине был опубликован сборник исторических статей российских и китайских авторов «75 лет Великой Победе. Борьба советского и китайского народа против японского милитаризма» (Ли Яньлин, Тавровский, 2020). Летом 2021 г. была организована мемориальная выставка «Мирный Тихий».

На протяжении четырех лет четко отмечалось снижение энтузиазма со стороны китайских представителей в отношении данных мероприятий. Участие Владивостокского генконсульства КНР в этих мероприятиях оказалось сугубо номинальным и было ограничено посещением генконсула Янь Вэньбиня церемоний открытия. Прекращению контактов способствовало также закрытие границы между странами ввиду пандемии коронавируса в 2020 г. Мероприятия 2021–2022 гг. прошли уже фактически без участия китайской стороны.

Что гораздо более интересно, зафиксированы попытки китайцев продвигать свою повестку на указанных мероприятиях. Так, по рассказам владивостокских коллег-китаистов, в 2019 г. при организации выставки фотографий 88-й бригады китайцы самостоятельно подготовили подписи к экспонатам как на китайском, так и на русском языках. Информация не только содержала массу грамматических и орфографических ошибок, но и отражала исключительно китайские подходы к истории. Было указано, что 88-я бригада – это русское название Объединенной антияпонской армии Северо-Востока, которая была независима от советского руководства и контролировалась КПК. В отношении участия СССР в освобождении Японии отмечалось, что *«в завершающей фазе войны части советской Красной армии были передислоцированы на северо-восток Китая, чтобы вместе с китайской армией и народом сражаться с японцами, и это помогло китайскому народу одержать оконча-*

¹² 88-я отдельная стрелковая бригада Дальневосточной армии была образована на основе китайских и корейских партизан, бежавших на территорию СССР в годы Антияпонской войны сопротивления. Была дислоцирована в с. Вятское Хабаровского края.

тельную победу над врагом»¹³. В результате буквально накануне выставки было достигнуто компромиссное решение, что подписи на китайском языке останутся те же, а на русском языке будут отредактированы в соответствии с российской позицией.

Аналогичные трактовки китайская сторона планировала использовать и в информационном оформлении Мемориального комплекса бойцам 88-й бригады в селе Вятское. В 2016 г. китайские подрядчики подготовили подписи, которые различались в двух языках. Надпись на русском гласила: *«Монумент героев 88-й Отдельной стрелковой бригады Краснознаменной Дальневосточной армии СССР»*. Надпись на китайском: *«Монумент героям Учебной бригады антияпонской объединенной армии Северо-Восточного Китая»*¹⁴. В результате открытие комплекса было заморожено.

Идея продвигать российское видение совместной истории посредством «красного туризма» вообще выглядит сомнительной. Организация въездного турпотока, как показывает практика, быстро оказывается в руках китайского турбизнеса¹⁵. При этом китайцы стараются полностью контролировать все стороны тура. Даже если удастся отстоять российскую трактовку событий в китайязычной части экспозиции, «необходимые комментарии» будут даны китайским гидом или руководителем группы, из-за чего приложенные усилия не дадут результата.

Что получится, если передать инициативу в руки зарубежных партнеров, хорошо видно на примере туров для корейских туристов по памятным местам в Приморском крае. В Приморье корейские туристы в обязательном порядке посещают Музей истории российских корейцев в Уссурийске и памятник корейским переселенцам во Владивостоке. Оба объекта созданы по инициативе южнокорейских общественных организаций и за их счет. По факту они нацелены на рост националистических настроений среди корейских посетителей и никак не связаны с повесткой российско-корейского сотрудничества. Так, уссурийский музей фокусирует внимание на насильственной депортации приморских корейцев в Среднюю Азию в 1937 г. А памятник во Владивостоке – на развитии корейской государственности. Причем в информационных материалах на русском языке делается упор на том, что памятник посвящен корейскому населению в целом (официально он называется «Мемориальный комплекс корейцев России»), а на корейском языке – на том, что именно

¹³ Практически идентичная трактовка была использована послом КНР в России Чжан Ханьхуэем в статье 2020 года для «Российской газеты». Available at: <https://rg.ru/2020/09/01/rg-publikuet-statiu-poslov-rf-i-knr-oporytkah-perepisat-istoriiu-vojny.html> (дата обращения: 10.07.2023)

¹⁴ Когда в товарищах согласья нет. Available at: <https://khabarovsk.md/society/14877-habarovskiy-kray-kogda-v-tovarischah-soglasya-net.html> (дата обращения: 29.07.2023)

¹⁵ См., например, Зуенко И.Ю. (2019) Китайских туристов в России все больше, но озолотиться с их помощью не получается. *Профиль*. Available at: <https://profile.ru/lifestyle/travels/kitajskix-turistov-v-rossii-vse-bolshe-ozolotitsya-s-ix-pomoshhyu-ne-poluchaetsya-147029/> (дата обращения: 19.07.2023)

во Владивостоке, в районе Сиханчхон («Новая корейская слобода»), было создано «*первое правительство современного корейского государства "Корейская Национальная Ассамблея"*»¹⁶.

По-разному трактуется и символика памятника. Если в русской трактовке (приведена на информационном стенде) три гранитных столба разной высоты символизируют семью: отца, мать и ребенка, то в корейской трактовке (со слов корейских гидов) три столба – это расколота корейская нация: Южная Корея, Северная Корея и диаспора, разбросанная по всему миру¹⁷. Неудивительно, что корейские туристы используют памятник для выражения своих националистических чувств – для этого они прикрепляют к ограде памятника ленточки в цветах южнокорейского флага с надписями вроде «*Родина будет единой*», «*Не забудем и не простим годы колониального гнета*» и так далее.

Не вызывает сомнений, что с объектами «красного туризма» на территории России, к оформлению которых будет допущена китайская сторона, произойдет то же самое. Однако в данном случае фокус националистических чувств может быть направлен не на третью сторону (в случае с корейцами – на Японию), а на саму Россию.

Следует также помнить, что в китайском понимании «красный туризм» – это не столько коммунистический, сколько «патриотический» туризм. Доказательство этому – включение в маршрут «красного туризма» Айгунского музея, экспозиция которого не связана с историей коммунистического движения.

Материалы российских исследователей-музеистов подтверждают, что интерес китайских туристов, побывавших в «коммунистических музеях» в Казани и Ульяновске, к содержательной части экспозиции крайне ограничен. Из советских деятелей китайцы в своей основной массе знают только Сталина и Ленина, но даже музеи, где есть посвященные им экспозиции (например, Музей Казанского университета) воспринимают сквозь призму интерактива. Например, горячий интерес вызывает аудитория, где можно сфотографироваться за «партой Ленина», но непопулярны залы, в которых собраны уникальные документы, связанные с Лениным и его семьей. В результате, как подчеркивают исследователи из Казанского университета, «содержание экскурсии адаптируется с учетом пожеланий китайской стороны» (Тимофеева, 2018). В случае с тонкими моментами общей истории подобное потакание «пожеланиям китайской стороны» может лишь повредить российским интересам.

¹⁶ Текст надписи на монументе в целом идентичен на двух языках: «В память о корейских поселениях в Приморье. На этом месте была Корейская слободка – колыбель священной борьбы корейцев за свою Свободу и Независимость. После узурпации Японией государственного суверенитета Кореи в 1910 г. корейские патриоты собрались сюда и поклялись бороться не на жизнь, а на смерть за восстановление суверенитета Родины. Они учредили многие патриотические организации и создали в 1919 г. эмигрантское правительство (Корейская Национальная Ассамблея)»

¹⁷ Российские диссиденты также толкуют памятник по-своему. По версии Сахаровского центра, это памятник репрессированным корейцам. Available at: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/?t=pam&id=824> (дата обращения: 11.07.2023)

Другое наблюдение: туристам наиболее интересны места, связанные с китайским присутствием в России. Нарботки в этом направлении уже есть: в Санкт-Петербурге разработали маршруты «Китайские товарищи в красном Петрограде» и «Красный командир Пау-Ти-сан» (Джанджугазова, 2017). Идею поиска «китайского следа» в революционных событиях Забайкалья активно развивает Забайкальский краеведческий музей им. А.К. Кузнецова (Джанджугазова, 2017), во Владивостоке периодически вспоминают, что в местном «чайна-тауне» под названием Миллионка в 1900-х гг. скрывался от властей будущий милитарист Маньчжурии Чжан Цзолинь, и это, якобы, отличная идея для привлечения китайских туристов.

Таким образом, пока использование мемориальных практик и инструментов «красного туризма» для доведения до китайских туристов российских трактовок исторических событий не является эффективным. Более того, представляется, что в реализации подобных проектов необходима крайняя осторожность. Ни в коем случае не следует доверять китайской стороне перевод информационных материалов или подрядные работы, связанные с созданием туристической инфраструктуры, поскольку это может привести к навязыванию китайских трактовок общей истории. В случае с приграничными городами риски распространения таких трактовок увеличиваются ввиду того, что затрагивают особенно сложные моменты истории российско-китайских отношений, включая заключение неравноправных договоров и военные конфликты, поэтому есть опасность, что экспозиции могут быть истолкованы туристами в националистическом и, возможно, даже в русофобском ключе.

Заключение

Российско-китайское трансграничье – контактная зона, взаимодействие субъектов в которой характеризуется сложным и противоречивым сочетанием алармизма и стремления к сотрудничеству. Музеи и мемориальные объекты по обе стороны границы – одна из тех плоскостей, в которой это противоречие видно особенно четко.

По разные стороны границы фактически культивируются две разные версии одной и той же истории российско-китайских отношений. При этом общественный запрос на удовлетворение национально-патриотических настроений приводит к тому, что негативные моменты в действиях своего государства умалчиваются, тогда как в действиях другой стороны, напротив, подчеркиваются с целью доказать свой статус «жертвы».

Это хорошо заметно в том, как рассказывается история «Благовещенской трагедии» в музеях Хэйхэ и Благовещенска. В одном случае полностью умалчивается факт обстрела российского города с китайской стороны, предшествующий депортации китайцев с левого берега Амура; в другом случае говорится об обстреле, но игнорируются последующие насильственные действия в отношении китайцев. И это всего лишь один пример. В обоих случаях нарратив направлен не столько «вовне», сколько «вовнутрь» и отражает интенсивный поиск «правильной версии» исторической памяти, который

ведется в обеих странах. Между тем и в этом случае, и на примере других музейных экспозиций и мемориальных объектов мы видим, что их содержание можно интерпретировать как проявление русо/синофобии даже несмотря на то, что изначально оно им не является. В результате для внешнего наблюдателя возникает «борьба нарративов» в исторической памяти, появляется стремление убедить соседа в своей версии истории.

На данный момент эта «борьба нарративов» не носит острого характера, поскольку протекает на фоне позитивного политического фона для развития российско-китайских отношений. Обе страны проявляют добрую волю сглаживать, замалчивать «неудобные» моменты общего прошлого с целью не дать им негативно влиять на восприятие друг друга. Это, впрочем, не означает, что спорные вопросы («исторические обиды») из повестки исторической памяти двух народов исчезают. Они превращаются в своего рода «скелеты в шкафу», которые способны омрачить отношения России и Китая в будущем.

Все это обуславливает необходимость глубокой проработки исторического опыта отношений двух стран силами исследователей, дипломатов, политиков, общественных деятелей с целью избавления от этих «скелетов в шкафу» и формирования «компромиссной» и при этом объективной версии общей истории. (Первыми шагами в этом направлении можно считать упомянутые выше сборник «75 лет Великой Победы», двойную публикацию статей послов России и Китая А.И. Денисова и Чжан Ханьхуэя в «Российской газете» 9 мая 2020 г.). В то же время настойчивые попытки убедить другую сторону в собственной трактовке спорных вопросов истории посредством увеличения числа экспозиций и мемориальных объектов, противоречащих трактовкам соседа, представляются неконструктивными и потенциально несущими больше вреда, чем пользы для развития двусторонних отношений.

Это, конечно, не означает того, что собственное понимание исторической памяти должно приноситься в жертву компромиссам с зарубежным государством, пусть даже с партнером. Начинать как раз следует с изучения и популяризации знаний об историческом прошлом своей страны. Только разобравшись со своей историей, имея на руках четкие, аргументированные, подтвержденные источниками основания для выводов, можно рассчитывать на то, что они будут услышаны и приняты в расчет как российским, так и китайским обществом.

Список литературы

1. Амосова А.А., Еремеева А.Д. (2017) Исторические музеи Китая: возникновение и ключевые тенденции развития в XX–XXI веках. *Вопросы музеологии* (1): 81–95. DOI: 10.21638/10.21638/spbu27.2017.108.
2. Амосова А.А., Еремеева А.Д. (2018) Российско-китайское сотрудничество: музейная деятельность и туризм. *Вопросы музеологии* (1): 64–72. DOI: 10.21638/11701/spbu27.2018.106.
3. Бийе Ф. (2014) Современность в пространственном измерении: открытые рынки, герметичность и вертикальность в двух приграничных городах России и Китая. *Экономическая социология* (2): 76–97.

4. Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. (2022) Новые подходы Пекина к историографии КНР и КПК: «исправление имён» в эпоху Си Цзиньпина. *Ориенталистика* (5): 734–750. DOI: 10.31696/2618-7043-2022-5-4-734-750.
5. Джанджугазова Е.А. (2017) Красный туризм в фокусе проблем развития российско-китайского экономического сотрудничества. *Сервис в России и за рубежом* (6): 6–14. DOI: 10.22412/1995-042X-11-6-1.
6. Дятлов В.И., Гузей Я.С., Сорокина Т.Н. (2020) *Китайский погром. Благовещенская «утопия» в оценках современников и потомков*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
7. Ли Яньлин, Ю.В. Тавровский (ред.) (2020) 75 лет Великой Победы. *Борьба советского и китайского народов против японского милитаризма: сб. ст., посвященный 75-й годовщине окончания Второй мировой войны и освобождения сев.-вост. Китая от японских милитаристов*. Харбин – Владивосток, Издательство ВГУЭС.
8. Пешков И.О. (2014) Следы российской Маньчжурии в приграничных городах России и Китая. *Eurasia: statum et legem* (1): 44–58.
9. Пешков И.О. (2020) Страх и ненависть в городе дружбы и согласия. Город-посредник Маньчжоули и его влияние на российское восприятие китайской миграции. *Журнал исследования социальной политики* (4): 609–624. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-609-624.
10. Поправко Е.А. (2019) Образ России (СССР) в экспозициях китайских музеев. *Журнал фронтальных исследований* 4(2): 346–362. DOI: 10.24411/2500-0225-2019-10040.
11. Тимофеева Л.С., Тимофеева Е.Р., Яруллина С.Р. (2018) Музеи Казани на рынке «красного туризма». *Сервис в России и за рубежом* (1): 91–103. DOI: 10.24411/1995-042X-2018-10108.
12. Фокин В.И., Эльц Е.Э. (2019) Музеи в культурной дипломатии России и Китая. *Вестник РУДН. Серия «История России»* (4): 865–882. DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-4-865-882.
13. Шишманова П. (2011) Берег бывших русских. *Вокруг света* (3): 68–76.
14. Humphrey C. (2012) Concepts of «Russia» and their Relation to the Border with China. In: F. Billé, G. Delaplace, C. Humphrey (eds.), *Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border*. Cambridge: Open Book Publishers, pp. 55–70.
15. Peshkov I. (2012) Politicisation of quasi-indigenouness on the Russo–Chinese frontier. In: F. Billé, G. Delaplace, C. Humphrey (eds.), *Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border*. Cambridge: Open Book Publishers, pp. 165–182.
16. Urbansky S. (2020) *Beyond the Steppe Frontier: A History of the Sino-Russian Border*. Princeton: Princeton University Press.
17. 王涛 [Ван Тао] (2020) 以爱国主义为主题 建设清驿路驿站古今历史文化旅游长廊——从保卫边疆开发边疆建设边疆的内容角度. [Взяв патриотизм за основу, построить туристический коридор, посвящённый истории ямских станций времён династии Цин: анализ с точки зрения лозунга «защищать границу, развивать границу, строить границу». *黑河学刊* [Академический журнал Хэйхэ], (5): 1–6.

MUSEUMS AND MEMORIALS IN RUSSIA-CHINA CROSS-BORDER REGIONS: PROSPECTS OF CREATING A "COMPROMISE" VERSION OF SHARED HISTORY

Dr **Ivan Yu. ZUENKO** – Associate Professor, Department of Oriental Studies, Senior Research Fellow, Center for China, East Asian and SCO Studies, Institute for International Studies, MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-9853-9703. E-mail: i.zuenko@inno.mgimo.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received May 11, 2023

Accepted January 17, 2024

Acknowledgements. The research is carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00109.

Abstract: The article delves into the preservation and portrayal of historical memory in Russia-China cross-border regions by means of museums and memorials in the context of creating a 'compromise' version of the history of Russian-Chinese relations that would satisfy both countries. Despite the current high level of bilateral relations, unresolved issues from the past of Russian-Chinese relations persist, often interpreted differently by each side. The issues typically revolve around differing interpretations by the two countries, spanning from historical events like the Albazin Campaign in the 17th century and Treaties of Aigun and Peking (1858, 1860) to Manchuria Campaign of the Soviet Army in 1945 and Damansky Conflict in 1969. Different understanding of such issues is manifested in the exhibits of museums and memorials all along the border. While the content may appear to carry Sinophobic or Russophobic undertones, its primary purpose is to promote internal patriotism rather than denigrate the neighboring country. However, the divergent narratives presented in museums in Russia and China lead to 'competition of narratives' in historical memory. In this 'competition' the attempts to persuade the neighboring country of the 'correct interpretation' of history lead to misunderstandings and even conflicts. More reasonable approach to addressing the challenges arising from differing interpretations of shared history is to create its compromise version. However achieving this goal necessitates a significant investment of time and effort from scholars, diplomats and policymakers in both countries.

Keywords: China, Russo-Chinese relations, historical memory, historical grudges, museums, memorials, red tourism, Treaty of Aigun, Chinese Eastern railroad, 88th Separate Rifle Brigade

References:

1. Amosova A.A., Ereemeeva A.D. (2017) Istoricheskiye muzei Kitaya: vznik i razvitiye i klyuchevyye tendentsii razvitiya v KHKH-KHKHI vekakh [Historical museums of China: emergence and key development trends in the 20th-21st centuries]. *Voprosy muzeologii* [Issues in Museology] (1): 81–95. DOI: 10.21638/10.21638/spbu27.2017.108. (In Russian).

2. Amosova A.A., Ereemeeva A.D. (2018) Rossiysko-kitayskoye sotrudnichestvo: muzeynaya deyatel'nost' i turizm [Russian-Chinese cooperation: museum activities and tourism]. *Voprosy muzeologii* [Issues in Museology] (1): 64–72. DOI: 10.21638/11701/spbu27.2018.106. (In Russian).
3. Billet F. (2014) Sovremennost' v prostranstvennom izmerenii: otkrytyye rynki, germetichnost' I vertika"nos" v dvukh prigranichnykh gorodakh Rossii i Kitaya [Modernity in the spatial dimension: open markets, hermeticity and verticality in two border cities of Russia and China]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology] (2): 76–97. (In Russian).
4. Denisov I.E., Zuenko I.Yu. (2022) Novyye podkhody Pekina k istoriografii KNR i KPK: «ispravleniye imon» v epokhu Si Tszin'pina [Beijing's new approaches to the historiography of the PRC and the CCP: "correcting names" in the era of Xi Jinping]. *Orientalistika* [Oriental Studies] (5): 734–750. DOI: 10.31696/2618-7043-2022-5-4-734-750. (In Russian).
5. Dyatlov V.I., Guzey Ya.S., Sorokina T.N. (2020) *Kitayskiy pogrom. Blagoveshchenskaya «utopiya» v otsenkakh sovremennikov i potomkov* [Chinese pogrom. The Annunciation "utopia" in the assessments of contemporaries and descendants]. St. Petersburg: Nestor-History. (In Russian).
6. Dzhandzhugazova E.A. (2017) Krasnyy turizm v fokuse problem razvitiya rossiysko-kitayskogo ekonomicheskogo sotrudnichestva [Red tourism in the focus of problems in the development of Russian-Chinese economic cooperation]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and abroad] (6): 6–14. DOI: 10.22412/1995-042X-11-6-1. (In Russian).
7. Fokin V.I., Elts E.E. (2019) Muzei v kul'turnoy diplomatii Rossii i Kitaya [Museums in the cultural diplomacy of Russia and China]. *Vestnik RUDN. Seriya «Istoriya Rossii»* [Bulletin of RUDN University. Series «History of Russia»] (4): 865–882. DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-4-865-882. (In Russian).
8. Humphrey C. (2012) Concepts of «Russia» and their Relation to the Border with China. In: F. Billé, G. Delaplace, C. Humphrey (eds.), *Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border*. Cambridge: Open Book Publishers, pp. 55–70.
9. Li Yanlin, Yu.V. Tavrovsky (ed.) (2020) *75 let Velikoy Pobedy. Bor'ba sovetskogo i kitayskogo narodov protiv yaponskogo militarizma: sb. st., posvyashchenny 75-y godovshchine okonchaniya Vtoroy mirovoy voyny i osvobozhdeniya sev.-vost. Kitaya ot yaponskikh militaristov* [75 years of the Great Victory. The struggle of the Soviet and Chinese peoples against Japanese militarism: collection. Art., dedicated to the 75th anniversary of the end of World War II and the liberation of the north-east. China from the Japanese militarists]. Harbin-- Vladivostok, VGUES Publishing House. (In Russian).
10. Peshkov I. (2012) Politicisation of quasi-indigenoussness on the Russo-Chinese frontier. In: F. Billé, G. Delaplace, C. Humphrey (eds.), *Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border*. Cambridge: Open Book Publishers, pp. 165–182.
11. Peshkov I.O. (2014) Sledy rossiyskoy Man'chzhurii v prigranichnykh gorodakh Rossii i Kitaya [Traces of Russian Manchuria in the border cities of Russia and China]. *Eurasia: status et legem* (1): 44–58. (In Russian).
12. Peshkov I.O. (2020) Strakh i nenavist' v gorode druzhby i soglasiya. Gorod-posrednik Man'chzhoul'i i yego vliyaniye na rossiyskoye vospriyatiye kitayskoy migratsii [Fear and hatred in the city of friendship and harmony. The intermediary city of Manzhoul'i and its influence on Russian perception of Chinese migration]. *Zhurnal issledovaniya sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Research] (4): 609–624. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-609-624. (In Russian).
13. Popravko E.A. (2019) Obraz Rossii (SSSR) v ekspozitsiyakh kitayskikh muzeyev [The image of Russia (the USSR) in the exhibitions of Chinese museums]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Research] 4(2): 346–362. DOI: 10.24411/2500-0225-2019-10040. (In Russian).

14. Shishmanova P. (2011) Bereg byvshikh russkikh [The shore of former Russians]. *Vokrug sveta* [Around the World] (3): 68–76. (In Russian).
15. Timofeeva L.S., Timofeeva E.R., Yarullina S.R. (2018) Muzei Kazani na rynke «krasnogo turizma» [Museums of Kazan in the «red tourism» market]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and abroad] (1): 91–103. DOI: 10.24411/1995-042X-2018-10108. (In Russian).
16. Urbansky S. (2020) *Beyond the Steppe Frontier: A History of the Sino-Russian Border*. Princeton: Princeton University Press.
17. 王涛 [Wang Tao] (2020) 以爱国主义为主题 建设清驿路驿站古今历史文化旅游长廊——从保卫边疆开发边疆建设边疆的内容角度. [On the basis of patriotism, build the ancient and modern historical and cultural tourism corridor of Qingyi Road Station - from the perspective of “defending the border, developing the border and building the border”]. *黑河学刊* [Academic Journal of Heihe], (5): 1–6. (In Chinese).